

0- 781001

На правах рукописи

ХАСАНОВА ЛЯЙСАН МИНАХМЕТОВНА

СИСТЕМА ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В БАШКИРСКОМ
ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.02 - Языки народов Российской Федерации
(башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа -2010

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор, академик АН РБ
Зайнуллин Марат Валиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Поварисов Суфиян Шамсутдинович;
кандидат филологических наук,
доцент
Саляхова Зухра Идрисовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет имени Мифтахетдина Акмуллы»

Защита состоится « 4 » марта 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д-212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан « 1 » февраля 2010 го

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000606499

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

А. А. Федоров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема неличных форм глагола в языках различной типологии продолжает привлекать внимание лингвистов. Как известно, наряду с личными, спрягаемыми формами активно функционируют и неспрягаемые формы глагола: деепричастие, причастие, имя действия и инфинитив. Среди них деепричастия являются наименее изученными формами в современном башкирском языкознании. Деепричастные формы башкирского языка рассматриваются в трудах Н. К. Дмитриева, А. А. Юлдашева, Дж. Г. Киекбаева, М. В. Зайнуллина, М. А. Ахметова. Изучению деепричастных форм в тюркологии посвящены труды Ю. Д. Джанмавова, М. Аскарровой, Н. А. Баскакова, Н. Т. Сауранбаева, А. М. Хосрови, И. П. Павлова, А. Турсунова, Ю. Сеидова и др.

До сих пор остается нерешенным ряд вопросов, связанных с проблемой функционирования деепричастных форм глагола, перехода их в другие части речи, а также особенностями проявления их морфологических и синтаксических функций.

Все это предопределяет актуальность исследования и необходимость как теоретического, так и практического анализа деепричастных форм глагола в современном башкирском языке.

Степень разработанности проблемы. Деепричастия привлекают к себе внимание исследователей давно. А с появлением работ по теоретическому осмыслению морфологического строя тюркских языков они стали предметом специального исследования на обширном языковом материале.

Первые документальные данные о широком употреблении деепричастий в тюркских языках были получены в ходе исследования языка орхоно-енисейских памятников. В сравнительном плане с современным башкирским языком деепричастные формы глагола были исследованы М. А. Ахметовым¹.

Деепричастные формы в современном башкирском языкознании рассмотрены в работах отдельных ученых, однако они нуждаются в дальнейшем углубленном теоретическом исследовании.

Предметом исследования являются деепричастия в современном башкирском языке.

Объектом исследования выступают деепричастные формы глагола башкирского языка, представленные в художественных текстах, в произведениях устного народного творчества.

---

¹Ахметов, М.А. Деепричастие в языке орхоно-енисейских памятников и в современном башкирском языке / М. А. Ахметов // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1975. –С. 147-163.

Материалом исследования является фактический материал, извлеченный автором из периодических изданий и художественных произведений.

Целью данной работы является исследование грамматических и семантических особенностей деепричастных форм башкирского глагола. Особое внимание при этом уделено переходу деепричастных форм глагола в другие части речи.

Для достижения этой цели в диссертации поставлены следующие конкретные задачи:

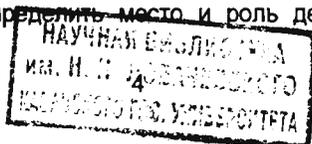
- рассмотреть историю изучения деепричастных форм глагола в тюркологии, в том числе и в башкирском языкознании;
- дать по возможности полную грамматическую характеристику деепричастных форм глагола в современном башкирском языке;
- выявить категориальные признаки и собственно глагольную специфику деепричастий на семантико-грамматическом уровне;
- провести анализ явления конверсии и перехода деепричастных форм глагола в другие части речи;
- определить синтаксические функции деепричастий в современном башкирском языке.

Теоретической основой диссертации послужили труды Н. К. Дмитриева, А. А. Юлдашова, Дж. Г. Киекбаева, М. В. Зайнуллина, М. А. Ахметова, Ю. Д. Джанмавова, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, Н. Т. Сауранбаева, И. П. Павлова, А. Турсунова, А. М. Хосрови, Ю. Сеидова, М. Аскарровой, Ф. А. Ганиева, П. И. Кузнецова и др., где рассмотрены морфологические, семантико-синтаксические особенности деепричастных форм.

Методы исследования. В процессе осуществления поставленных задач были использованы описательный, сопоставительный методы, а также общенаучные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, обобщения и систематизации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что данная работа является первым монографическим исследованием деепричастных форм глагола в современном башкирском языке в функционально-семантическом плане. В диссертационной работе подробно рассматриваются грамматическая сущность деепричастий как неличных форм глагола, их главные функционально-семантические отличия от личных форм глагола.

Теоретическая значимость диссертации определяется кругом поставленных задач и полученными результатами. Данная работа является первым монографическим исследованием деепричастий в современном башкирском языке в функционально-семантическом плане. Данный анализ позволяет по-новому определить место и роль деепричастий в системе языка.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке теоретических проблем как башкирского языкознания, так и тюркологии; при подготовке теоретических и практических курсов по общему и тюркскому языкознанию, для функциональной характеристики деепричастий при разработке курсов по башкирскому языку, сравнительно-сопоставительному, сравнительно-историческому языкознанию. Материалы диссертации могут быть также использованы при проведении спецкурсов по башкирскому языкознанию.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основным грамматическим значением деепричастий является выражение *дополнительного* действия по отношению к основному действию, выраженному основным глаголом в личной форме. Однако это не значит, что деепричастия не выражают основное действие в предложении. Доказательством тому является употребление деепричастий в качестве самостоятельного сказуемого в придаточных предложениях.

2. Деепричастия в системе функциональных форм глагола характеризуются рядом своеобразных признаков. В функциональном аспекте в предложении они выполняют, как и наречия, функции обстоятельства цели, причины, времени, образа действия, иногда уступки. В семантическом плане они в предложении выражают следующие функции: 1. функцию однородного глагольного сказуемого; 2. функцию сказуемого придаточного предложения; 3. функцию сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения; 4. функцию второстепенного сказуемого.

3. Деепричастия могут переходить в другие части речи или употребляться в значении других частей речи, утрачивая при этом свои лексико-грамматические признаки. Они чаще всего употребляются в значении наречий, послелогов или переходят в состав этих частей речи.

Апробация исследования. Основные положения диссертации и результаты исследования были представлены на Всероссийской научной конференции «Языковые и культурные контакты народов Республики Башкортостан в условиях двуязычия» (Уфа, 2007), на республиканской научно-практической конференции «Башкирская филология: достижения, актуальные проблемы» (Уфа, 2007), на научной конференции студентов и аспирантов факультета башкирской филологии и журналистики БГУ (Уфа, 2008), на международной научной конференции «Профессор Н. К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии» (Уфа, 2008), на Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения преподавания башкирского языка, литературы и фольклора в образовательных учреждениях Республики Башкортостан» (Уфа, 2008), на международной научно-практической конференции «Гуманистическое

наследие просветителей в культуре и образовании» (Уфа, 2008), в журналах «Башкортостан укытыусыһы» (Уфа, 2009), на конференции «Проблемы лингвистики в политкультурной среде: история и современность» (Уфа, 2009), на материале Межрегиональной научно-практической конференции «Вопросы филологии и методики обучения языкам в вузе и школе» (Уфа, 2009), на научной конференции «Проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания в свете традиционных и новейших направлений в лингвистике (Уфа, 2009), на международной научно-практической конференции «Роль университетов в формировании инновационной среды регионов. Сохранение и развитие родных языков и культур в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Уфа, 2009). Результаты исследования получили освещение также в научном издании, рекомендованном ВАК для включения в перечень ведущих рецензируемых научных журналов («Вестник БГУ», 2009).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем диссертации составляет 172 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее разработанности, формулируются основная цель и задачи, определяются основные положения, выносимые на защиту, анализируются теоретические и практические основы диссертационного исследования. Определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, апробация и структура.

В первой главе диссертации – «**Морфологическая характеристика деепричастия как функциональной формы глагола**» – рассматривается история изучения и полная грамматическая характеристика деепричастных форм в современном башкирском языке в сравнительном плане с другими тюркскими языками, выявляются и анализируются категориальные признаки и собственно глагольная специфика деепричастия на семантико-грамматическом уровне.

В первом параграфе – «**Глагольные и наречные признаки деепричастий в современном башкирском языке**» – дается характеристика деепричастий как особой формы глагола и рассматриваются их глагольные и наречные признаки.

Глагольными признаками деепричастия являются: 1. выражение грамматического значения действия: *Физкультура техникумын тамамлағас, ошондай һәйбәт урынға килеп эшкә тотоноуына кыуанып бәтә алмағайны хатта* (Н. Мусин); 2. употребление в положительной и отрицательной формах: *Ут янмай төтөн булмас, ярты эш бәтөн булмас* (Мәкәл);

3. обозначение переходности и непереходности: *Ата хәстәрән күрәп, бала сактан уйнап-көлөп кенә үсәргә тура килмәне Абдуллаға* (Н. Мусин);
4. наличие залоговых форм: *Ә тау битләүзәрәндә өрһәң осоп китерзәй генә тойолған елбәзәк йәшеллек тора: унда кайындар хыуанышып япрак ярган* (Н. Мусин) (совместный залог); 5. выражение в составе аналитических форм видо-временных значений: *Һәүбән, тағы ауылдар араламак булһа ла, Мәсем хандың зур туй яһарға оран таратканын ишеткәс, кире торған йәйләүгә әйләнәп кайтқан* («Ахбузат» эпосынан).

Деепричастные формы глагола в современном башкирском языке имеют и наречные признаки: 1. выражение признака действия: *-Ах, Йәғәфәрөв, Йәғәфәрөв! -Үзә лә һизмәстән, Арыслан Рәхмәтуллович әсенәүзән кыскырып һәйләнәп куйзы* (Д. Бүләков); 2. отсутствие морфологических категорий; 3. выполнение обстоятельственных функций в предложении: *Ат әйләнәп, қазығын табыр, һыу әйләнәп, юлығын табыр, ир әйләнәп, илен табыр* (Мәкәл).

Во втором параграфе – «Деепричастная форма глагола на -п, -ып/-еп, -оп/-өп» – анализируется грамматическая сущность и основные функционально-семантические значения деепричастной формы на - п, -ып/-еп, -оп/-өп.

Самой многозначной и полифункциональной в современном башкирском языке является деепричастная форма на -п, -ып/-еп, -оп/-өп. О происхождении этой формы Н. А. Баскаков пишет: «Исторически деепричастие на -п восходит к именам действия или причастиям, что особенно подчеркивается в сочетаниях этой формы деепричастия с переходными (определяемыми) глаголами»¹.

Данная форма деепричастия является самой распространенной формой деепричастия в тюркских языках. Она употребляется во всех тюркских языках за исключением якутского и чувашского. В чувашском языке функцию деепричастия на -п выполняет деепричастие на -са, -се, а в якутском языке – форма на -ан, -эн, -он, -өн.

Деепричастная форма на -ып является одной из наиболее древних. Она находит широкое употребление уже в языке орхоно-енисейских памятников и обозначает время совершения действия, выраженного деепричастием, и в то же время указывает на образ, способ, причину и т. п. совершения основного действия.

Деепричастная форма на -п, -ып/-еп, -оп/-өп характеризует и дополняет основное действие с различных сторон. Конкретно эти аспекты отношений между дополнительным и основным действием проявляются в предложении, где деепричастие на -п, -ып/-еп, -оп/-өп выполняет функции

¹ Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. Т. II. Ч.1. / Н. А. Баскаков. –М., 1952. –С. 461.

различных обстоятельств: 1. в предложении является обстоятельством образа действия и характеризует основное действие со стороны способа его совершения. Например: *Ҡыззы һынап карап, мәргән һүзә алышмаға килгән сәсэн, шунда үзенәң отолғанын аңлаған* («Ерәнсә сәсэн» әкиәтенән); 2. выполняет функцию обстоятельства времени и используется для констатации того факта, что основное действие произошло или раньше или после основного действия. Например: *Көз, хыш кәндәрә үтәп, яҙ еткәс, ығызығы килеп, ызманан йәйләүгә күсәләр* («Аҡһаҡ кола» эпосынан); 3. указывает на причину и цель основного действия и в предложении является обстоятельством цели и причины. Например: *Уның нәфислеген, матурлығын, сәскә һәм семәрҙәрәңәң гузәллеген мактау түгел, ябай ғына итеп аңлатып бирергә лә һүз таба алмаһымды тойлоп, бәтәнләй юғалып калам* (З. Бишева).

Данная форма деепричастия также употребляется при образовании сложных глаголов и аналитических словообразовательных форм: *-п бәт-, -п тор-, -п ят-, -п ултыр-, -п йөр-, -п бар-, -п кил-, -п кит-, -п ебәр-, -п ташла-, -п ал-, -п сыҡ-, -п ет-, -п кара-, -п куй-* и др. Примеры: *ашап бәт, һизеп тор, йәшәп ят, карап ята, барып ултырҙы, күрһәтәп ултыра, белеп ал, күрешеп сыҡ, килеп ет, хысхырып ебәр, йырлап ебәр, кайтып кит, килеп йөрә, эшләп йөрөй, тыңлап кара, һалып куй* и др. *Таң яктырып килгәндә, түшәлеп, юшап ятқан йылкыларҙың өстөнә барып сыға* («Аҡһаҡ кола» эпосынан). *Балалары шатланып, коштарын алып, аталарына карап баштарын эйеп, сығып киттеләр* («Заятүләк менән һыуһылыу» эпосынан). *Былар азна, ун кән, ай китеп, һис һыу-һүлгә орамай, Ҡолансәстәрҙең йәйләүенә барып сылҡандар, ти* («Ҡуңыр буға» эпосынан). *Күршөләргә туй килһә, һин дә ҡапҡаң асып куй* (Мәкәл).

Третий параграф – «Деепричастная форма глагола на *-ғас/-гәс, -кас/-кәс*» – посвящен выявлению грамматических особенностей деепричастной формы на *-ғас/-гәс, -кас/-кәс* в современном башкирском языке.

Данная форма деепричастия существует в башкирском, татарском, узбекском, уйгурском, тувинском, крымско-татарском, караимском и сары-уйгурском языках. В других тюркских языках ей соответствуют формы с другими морфемными показателями. В языке орхоно-енисейских памятников она не встречается, что может свидетельствовать об относительно позднем ее возникновении.

Деепричастная форма на *-ғас/-гәс, -кас/-кәс* имеет широкое распространение в современном башкирском языке и образуется от любой глагольной основы. Основным значением данной формы является обозначение относительного времени. Данная форма деепричастия выражает предшествование как условие, при котором совершается последующее действие. Форма на *-ғас*, выражая предшествование, очень

часто сочетается с частицей та/тә (усилительной) или ғына/генә (ограничительной): *Оло тултын күрәнгәс тә ишкәкте кулыңдан ташлама* (Мәкәл). *Эшәнде эш иткәс кәнә мактан* (Мәкәл).

В отрицательной форме выражает причинно-следственную обусловленность предыдущего или последующего действий: *Җыз, Заятүләкте бында калдырып, үз янына һарайға керәтмәгәс, Заятүләк әлегә, төшәндәгә, карттан өйрәнгән доғаһын укыны* («Заятүләк менән һыуһылыу» эпосынан).

Деепричастная форма на -ғас/-гәс обычно употребляется с личными формами глагола. Действие или состояние, которое выражает деепричастие на -ғас/-гәс, -кас/-кәс относится к тому же числу, наклонению и времени, что и личная форма глагола.

Например: *Һазый Халиков был ауылдың егете түгел, институт бәткәс, кәнъяк райондарзың берәһәнән килгән* (Н. Мусин).

В этом предложении деепричастие *бәткәс* и глагол *килгән* имеют общие категории времени, числа, наклонения.

В четвертом параграфе – «Деепричастная форма глагола на -ғансы/-гәнсе, -қансы/-кәнсе» – рассматривается деепричастная форма на -ғансы/-гәнсе, -қансы/-кәнсе. Эта форма деепричастия существует во всех современных тюркских языках, кроме якутского и чувашского (ей соответствует форма деепричастия на -иччен).

Как отмечает М. А. Ахметов, в языке орхоно-енисейских памятников данная форма глагола употребляется всего один раз и то не в составе предложения, а как отдельное слово: бузкунча «бозғансы – до их гибели»¹.

Форма на -қансы/-кәнсе, -ғансы/-гәнсе выражает главным образом ограничительные временные отношения, а именно: 1. ограничительное следование, с наступлением которого прекращается или прерывается другое действие. Например: *Әхәт иҫән йыйып әлгәргәнсе, директор бүлмәһәнә бер укытыусы килеп инде, иҫәнләште лә, уларзың һиндәйерәк киәфәттә тороузарына ла иғтибар итмәй, хәбәрән һөйләй башланы* (Н. Мусин). 2. несостоявшееся следование, устранившее с наступлением предшествующего действия. Например: *Шәһүрә сығырға уйлагансы, магазинға бер-бер артлы инеп тә тулдылар* (Н. Мусин).

Следует отметить, что деепричастная форма глагола на -ғансы/-гәнсе, -қансы/-кәнсе выражает временное и пространственное значение одновременно. Примеры: *Йәнтимер әле сәнғәт техникумына укырға киткәнсе үк дүрт-биш йәй колхозда бригада аттарын көтөштә, укыған йылдарында ла,*

¹Ахметов, М.А. Деепричастие в языке орхоно-енисейских памятников и в современном башкирском языке / М. А. Ахметов // Вопросы башкирского языкознания. –Уфа, 1975. –С.161.

каникулга кайтып, шул эшкә тотондо (М. Кәрим). Файса, Мәскәүгә барып өткәнсе, был хыззы кабат күрмәне, шулай за күчеленә инеп оялаган сәйер тойго уга тынғылык бирмәй инә (Н. Мусин).

Форма на -ғансы/-гәнсе, -кансы/-кәнсе часто употребляется в целях сопоставления двух действий, из которых второе в сравнении с первым является предпочтительным. Примеры: *Мең һум аксаң булғансы, ышаныслы бер дусың булһын, тигән әйтемдең дәрәсләгәнә йәнә бер тапкыр ышандым (Н. Мусин). Таузай теләгән булғансы, сәнсә бармактай эшең булһын (Мәкәл). Тел менән һөйләгәнсе, кул менән эшләп күрһәт (Мәкәл). Эште башлап ташлагансы, башламауың якшы (Мәкәл).*

Отрицательная форма не употребляется, хотя теоретически и возможна.

Форма на -ғансы/-гәнсе, -кансы/-кәнсе с ограничительной частицей кына/кәнә выражает различные грамматические значения. Например, уступительно-ограничительные: *Атайың ат егеп эшкә киткәндә, капканан сыткансы ғына булһа ла, арбаға ултырып калыу ни тора (Н. Мусин).*

В пятом параграфе – «Деепричастная форма глагола на -ғанса/-гәнсә, канса/-кәнсә» – рассматриваются основные функционально-семантические значения деепричастной формы на -ғанса/-гәнсә, -канса/-кәнсә.

Отдельные ученые данную форму деепричастия отождествляют с деепричастной формой глагола на -ғансы/-гәнсе, -кансы/-кәнсе. Но они отличаются не только морфемными показателями, но и, соответственно, функционально-семантическими характеристиками. Данная форма деепричастия представляет форму терминатива от причастия на -ған/-гән, -кан/-кән. Она не восстанавливается для раннего состояния тюркского праязыка, поскольку, судя по имеющимся историческим свидетельствам, развитие и активизация этой формы связаны с эпохой кыпчакской общности. Широко распространена в кыпчакских языках, в особенности алтайском, башкирском, казахском, узбекском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, хакасском, шорском.

Деепричастная форма глагола на -ғанса/-гәнсә, -канса/-кәнсә образуется от ограниченного числа основ. В современном татарском языке она не рассматривается в качестве деепричастия. Д. Г. Тумашева данную форму рассматривает как наречие². А Дж. Г. Киекбаев определяет ее наречным глаголом³.

---

²Тумашева, Д.Г. Современный татарский литературный язык / Д. Г. Тумашева. – Казань, 1978. –С. 156 (на баш. яз.).

³Киекбаев, Дж. Г. Современный башкирский язык / Дж. Г. Киекбаев. –Уфа, 1966. –С. 133 (на баш. яз.).

Эта форма деепричастия встречается и в древнетюркском языке. Как отмечает М. А. Ахметов, она зафиксирована только один раз. Имеет чисто временное значение и выражает действие, предшествующее действию, выраженному главным сказуемым предложения¹.

Деепричастная форма глагола на -ғанса/-гәнсә, -қанса/-кәнсә выражает следующие значения: 1. значение времени: *Без өстәмә эш кулдары табырға, ағас әзерләүзе февраль, март айзарында ныклап арттырырға һәм хар ирей башлағанса быйылғы сезон планын үтәргә тейешбәз* (Н. Мусин).

2. значение способа или образа действия с оттенком сравнения: *Бынан ин йыл, йөз йыл, мең йыл әүәл булғанса, шулай мизгел раслана* (Н. Мусин).

В отличие от всех остальных деепричастий форма на -ғанса/-гәнсә, -қанса/-кәнсә широко употребляется также во вводных предложениях. Данная форма деепричастия не подвергается адвербиализации, сохраняет свою глагольную специфику.

Шестой параграф – «Деепричастная форма глагола на -а, -ә, -й» – посвящен изучению деепричастной формы на -а, -ә, -й.

Данная форма деепричастия существует во всех тюркских языках. В чувашском и хакасском языках эта форма существует только в первых двух сингармонических вариантах, которые по отношению к варианту -й являются более древними. В языке орхоно-енисейских памятников также выражала образ, цель совершения действия, путь, метод, способ, при помощи которого достигается другое действие.

Как отмечает М. В. Зайнуллин, данная форма деепричастия и форма 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения формально совпадают и являются грамматическими омонимами².

Деепричастия на -а, -ә, -й в современном башкирском языке выражают одновременность, предшествование, причину, цель и значение образа действия. Они часто употребляются в редуцированной форме и выражают различные грамматические значения, в частности аспектуальные: *тырыша-тырыша, йүгерә-йүгерә, яза-яза, илай-илай, укый-укый*. Примеры: *Үз һүмерендә кайғы-хәсрәттә күп кисергән, илай-илай күз йәштәре кибе бөткән, хәзер инде бөтәһен дә үзәгенә үткәрергә өйрәнгән Бәзгөлъямал әбей*

---

¹Ахметов, М.А. Деепричастие в языке орхоно-енисейских памятников и в современном башкирском языке / М. А. Ахметов // Вопросы башкирского языкознания. –Уфа, 1975. –С. 161.

²Зайнуллин, М.В. Современный башкирский литературный язык: Личные и неличные формы глагола: Учебное пособие / М. В. Зайнуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. –С. 154.

уга карап торзо (Н. Мусин). һөйлөй-һөйлөй сәсэн булырһын, күрә-күрә күсәм булырһың (Мәкәл). Ат күрмәгән ат күрһә, саба-саба үлтөрөр, тун күрмәгән тун күрһә, хага-хага туззырыр (Мәкәл).

Данная форма деепричастия также употребляется при образовании сложных глаголов и аналитических словообразовательных форм: *-а, -ә, -й бар-, -а, -ә, -й тот-, -а, -ә, -й тор-, -а, -ә, -й бар-, -а, -ә, -й башла-, -а, -ә, -й яз-, -а, -ә, -й һал-* и др. Примеры: *укый башланьк, эшләй башланы, арта барзы, күбөйә бара, тизләтә төшә, куйыра төшә, бара торайык, кермәй тор, бармай тор, яза бирә, һындыра яззы, боза яззы, ала һал, сыға һал, инә һал и др. Кайһы ерзә дейеүзе үлтөрһә, шунда сағып барлыкка килеп, һыуы кәмеп, һыу батшаһының ғәскәре бөтә барған («Ажбузат» эпосынан). Сылтырап акһан бер йылғаны сығып, каршылағы таузың иңкеүенән кыраз буйлап ките башлай («Ҡуңыр буга» эпосынан). Заятүләк тә үзенең ағайҙары, хан балалары менән күп ваҡытта ат сабыштырыу, уҡ атыу, хош сөйөштөрөү менән йөрөй торғайны («Заятүләк менән һыуһылыу» эпосынан).*

В начале второй главы диссертации – «Конверсирование деепричастных форм глагола в другие части речи» – рассматривается переход деепричастных форм глагола в другие части речи. Образование новых слов путем перехода их из одной части речи в другую наблюдается и в тюркских языках, в том числе и в современном башкирском языке. Данное языковое явление принято называть конверсией. Вопрос о конверсии остается вопросом чрезвычайной сложности. При переходе одной части речи в другую меняются лексические значения исходной части речи, ее синтаксическая функция, грамматическая характеристика и сочетаемость с другими частями речи.

В первом параграфе – «Явление конверсии в современной лингвистике» – проводится краткий экскурс в историю данного термина. Отмечается, что среди лингвистов и до сих пор нет единого мнения по вопросу о конверсии.

Конверсия в современной лингвистике трактуется как «способ словообразования без использования специальных и словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слов одной части речи используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи»³.

Проблема перехода слов из одних частей речи в другие подробно освещена в работах В. В. Виноградова, В. Н. Ярцевой, В. А. Жирмунского, А. И. Смирницкого, Р. З. Мурясова, А. Т. Кривonosова, Б. А. Серебренникова,

---

³Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. –М.: Советская энциклопедия, 1966. –С. 235.

Ф. А. Ганиева, П. И. Кузнецова, Э. Сепира, Е. И. Шендельса, В. В. Белого, Ю. А. Жлуктенко, Е. С. Кубряковой и др.

Все вышеперечисленные ученые по-разному рассматривают явление конверсии, что позволяет говорить о том, что данное явление чрезвычайно активно именно на современном этапе эволюции языков и вследствие этого с трудом поддается описанию в современной лингвистике.

Можно назвать следующие критерии, свидетельствующие о переходе слова в другие части речи: 1. изменение синтаксической функции; 2. изменение общеграмматического (категориального) значения; 3. изменение лексического значения слова; 4. изменение словообразовательных возможностей слова; 5. приобретение словом парадигматики новой части речи; 6. принадлежность новой единицы в системе языка.

Во втором параграфе – «Изучение конверсии в тюркологии и в современном башкирском языке» – рассматривается подробное изучение конверсии в тюркских языках, в том числе и в современном башкирском языке.

В тюркологии явление конверсии только еще начинает изучаться. Определенный вклад в изучение этой проблемы внесли такие лингвисты, как А. А. Юлдашев, М. А. Ахметов, Ф. А. Ганиев, М. Х. Ахтямов, З. З. Абсалямов, Ю. Д. Джанмавов, Е. И. Коркина, Л. М. Зайнуллина, И. В. Павлов, С. А. Беглярова и др.

Конверсия в системе башкирского словообразования и в тюркских языках в целом занимает особое место. Посредством данного способа образуется большое количество знаменательных частей речи и служебных слов, обогащается лексический состав башкирского языка новыми словами.

Третий параграф – «Переход деепричастных форм глагола в наречия или употребление в значении наречия» – представляет собой подробное описание деепричастий, перешедших в разряд наречий путем конверсии.

Деепричастная форма, употребленная в значении наречия или перешедшая в разряд наречий, характеризуется следующими особенностями: 1. не имеет значения действия; 2. теряет способность к управлению; 3. не имеет переходного или непереходного значения, не может иметь формы залогов; 4. не имеет отрицательную или положительную форму.

В значении наречий чаще всего употребляется деепричастная форма на -ып, -еп, -оп, -әп: *йотолоп* “внимательно”, *сәсрәп* “рывком”, *йығылып* “очень внимательно”, *гөрләп* “дружно”, *үлөп* “мертвым (сном)”, *ситләтәп* “обняком”, *кайырып* “настежь”, *кыскырып* “громко”. Например: *ситләтәп һейләү* “говорить обняком”, *сәсрәп һикерәп тороу* “встать рывком”, *йотолоп тыңлау* “слушать внимательно”, *үлөп йоклау* “спать крепко”. Примеры: *Без*

бөтөбөз зә азыктан үлөп куркабыз (М. Кәрим). *Жанатланып һөйлөнө профессор, Ирек тә, Әлфия лә, еләкле сәйзән әз-әз генә ауыз итеп, йотлогот тыңланы* (Д. Бүләков). *Шул эшме инде, теленә ни тура килә, шуны хыстырып һөйләп тик йөрөй кеше* (Д. Бүләков).

Деепричастные формы на -ғансы, -гәнсе, -кансы, -кәнсе, -а, -ә, -й также употребляются в значении наречий: *үлгәнсе* “до упаду, до смерти”, *шартлагансы* “сверх меры, пока не взорвался”, *сәсрәткәнсе* “вдребезги”, *сәнселгәнсе* “очень сильно, пока не накололся”, *кырка* “резко”, *кутара*, *кутарғанса* “сильно”, “помногу”, *үтә* “слишком”, “очень”, *язә* “мимо”, “неточно”, *куша* “вместе”, *айырата* “особенно”. Например: *шартлагансы ашау* “сверх меры кушать”, *сәнселгәнсе эсеү* “пить очень сильно”, *үлгәнсе көлөү* “смеяться до упаду”, *кырка боролоп китеү* “резко уйти”, *үтә горур* “слишком гордая”, *куша барыу* “идти вместе”. Примеры: *Шәмсиә Фәлиевна иһә яза атып тура тейзәргәнән шундук аңлап алды* (Н. Мусин). *–Бирмәйбөз леспромхозға Зәңгәртау урмандарын, –ти Әхмәтшин кисә генә* (Н. Мусин). *Профессор үтә етди әйтеп ыскындырзы шикелле, араны тәүзә үк бозмаска була, Хәйernas Хәйernasович тауышын йомшартты* (Д. Бүләков).

Четвертый параграф – «Переход устойчивых деепричастий в наречия» - посвящен анализу конверсии устойчивых словосочетаний в наречия, в составе которых имеются деепричастные формы.

Устойчивые словосочетания также переходят в разряд наречий. Например: *күз асып йомғансы* “мгновенно”, *яр һалып*, *донъя кутарып* “оглушительно”, “сильно”, “во весь голос”, *олағып китеү* “идти”, “бежать прочь куда-нибудь, в неизвестном направлении”, *үс итеп* “специально”, *көлән туззырып* “в пух и в прах” и др.

Примеры: *Халык таралғас, һәүбән кыл көйзәрәп, Акбузатын сакырған икән, Акбузат шунда ук, күз асып, күз йомғансы, килеп тә еткән, ти* («Акбузат» эпосынан). *Шарламаның донъя кутарып шаулауы, хатта берсә үкереү, берсә ыжғырыу кеүек сәйер тауыштар за сыгарып куйыуы, күңелдәргә шом һалып, торған һайын якыная барзы* (Д. Бүләков). *Үзә Кызыраска үс итеп, бригаданың эшенә бер зә исе китмәгән, кызыкһынмағанға һалышып, гәмһез төс менән иң арттан ғына эйәрәп йөрөй* (З. Бишева).

Следует отметить, что глагольные основы в этих устойчивых словосочетаниях всегда употребляются исключительно в деепричастной форме, поскольку, иначе, устойчивое словосочетание превращается в обычное свободное словосочетание, где каждое слово выступает в своем обычном значении.

В пятом параграфе – «Конверсия деепричастных форм глагола в послелого и употребление в значении послелогов» – рассматривается переход деепричастий в послелого.

В башкирском языке определенное количество послелогов образуется с помощью конверсии. Деепричастные формы глагола также могут переходить в послелоги. Этому способствует наличие у деепричастий способности к управлению и семантические особенности основ. Одним из отличительных признаков послелогов также является способность к управлению.

В значении послелогов употребляются следующие деепричастные основы: *башлап* "с; от; начиная с" (от глагола "начинать, приступать"), *карап* "на; к; по направлению; по; смотря по", *алып* "с; с тех пор", *карай* "к; в сторону; в направлении", *карамай* "несмотря на; хотя", *күрә* "из-за; по причине; в соответствии; согласно". Когда эти деепричастные основы употребляются в значении послелогов или переходят в них, то они утрачивают конкретные лексические значения и выражают разные грамматические значения. Примеры: *Ана кайһы дәүерҙән башлап халыҡ кылыстай һузылған таш хая тәзмәһен Кейәүкашы, ә ул оsonoп тукталған тәңгәлдәге ошо шишмәне Кәләшкүҙе тип йөрөтә икән* (Д. Бүләков). *Фәбдеян ныкышманы, сыҡты ла магазин урынлашкан асҡы урамға карай атланы* (Н. Мусин). *Бикморат олатайым, һыузың көсөн белгең килһә, уның ағышына карап йөзөп кара, тип юкка ғына әйтмәйҙәр* (Н. Мусин). *Үткән юлы эңерҙән алып төн уртаһына тиклем Кушыйлға буйындағы тугайға, тойғоларын иреккә сығарып йөрөгәндә, күңел иретерлек ниндәй генә һүҙҙәр һөйләмәне Юламанов* (Н. Мусин). *Остаһына күрә коралы* (Мәкәл).

В начале третьей главы диссертации – «Синтаксические функции деепричастных форм глагола» – дается небольшое введение, характеризующее особенность синтаксических функций деепричастий в современном башкирском языке.

Деепричастие в синтаксисе современного башкирского языка играет очень важную роль. Это обусловливается разнообразием его семантики и широкой употребительностью. О синтаксических функциях деепричастных форм глагола существуют разные точки зрения. Некоторые ученые считают, что деепричастие выполняет лишь функцию сказуемого, а по мнению других исследователей – оно выражает обстоятельственную функцию.

В функциональном аспекте деепричастия выполняют в предложении, как и наречия, функции обстоятельства цели, причины, времени, образа действия, иногда уступки. В семантическом плане они выражают в предложении следующие функции: 1. функцию однородного глагольного сказуемого; 2. функцию сказуемого придаточного предложения; 3. функцию сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения; 4. функцию второстепенного сказуемого.

Первый параграф – «Обстоятельные функции» – посвящен

описанию деепричастий, выполняющих функцию обстоятельства.

Основной синтаксической функцией деепричастия принято считать его употребление в позиции обстоятельства. Например, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов сводят все синтаксические функции деепричастий к выражению признака другого действия. Как отмечает А. А. Юлдашев, признание обстоятельства единственной синтаксической позицией деепричастия сближает его с наречием. Однако синтаксическая функция обстоятельства вовсе не характерна для глагола. Глагол может выступать обстоятельством, если он в форме деепричастия претерпевает лексикализацию и хотя бы функционально сближается с наречием, лишаясь своей связи с подлежащим¹. Как показывает анализ, деепричастия выполняют функцию обстоятельства образа действия, причину, времени, цели. Примеры: *Уйламайынса башлама, башланыңмы – ташлама* (Мәкәл). *Яғымлы йылмайып, Зөһрәгә яқынлашты, уға бер-бер артлы һорауҙарын тәзеп алып китте* (Н. Мусин). *Урал батыр һәм уның улдары яуҙа ат йөзгөрөп һуғышкандар* («Ақбузат» эпосынан).

Во втором параграфе – «Деепричастная форма глагола на -п в функции однородного глагольного сказуемого» – рассматриваются деепричастия в функции однородного глагольного сказуемого на семантическом уровне.

Между однородными сказуемыми, первое из которых выражено деепричастием на -п, можно вставить соединительный союз, однозначно свидетельствующий об их однородности. Преобразование деепричастия на -п в соответствующую личную форму, которую она замещает сопровождается вставкой соединительного союза да/дә или (реже) һәм “и”. Например: *Малайҙар һабактан кайтып, ул-был йомоштарын башкарып, өйгә бирелгән эштәрен эшләргә ултырҙы* (М. Әбсәләмов). В данном предложении можно заменить деепричастия личной формой, но перед последним сказуемым надо вставить союз һәм или да/ дә/ та/ тө. *Малайҙар һабактан кайтып, ул-был йомоштарын башкары һәм өйгә бирелгән эштәрен эшләргә ултырҙы*. Или же: *Малайҙар һабактан кайттылар за, ул-был йомоштарын башкарып, өйгә бирелгән эштәрен эшләргә ултырҙы*.

Третий параграф – «Деепричастная форма глагола в функции сказуемого придаточного предложения» – посвящен изучению деепричастий в функции сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения. Среди тюркологов нет единого мнения по данному вопросу.

Самым распространенным сказуемым придаточного предложения

---

¹Юлдашев, А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. –М., 1977. –С. 141.

является деепричастная форма на -ғас/-ғәс, -кас/-кәс. Она выражает значение причины и время действия. Примеры: *Тәҙрәләрендә ут күренгәс, Атау ишек шаһыны* (Н. Мусин). *Кәсә бәткәс, һыу батшаһы ошо Шулған күлгә килеп урынлашкан («Аҡбузат» эпосынан)*. *Төнөн, Заятүлек йоклағас, ағалары уны үлтерергә нәңәш итә башлағандар («Заятүлек менән һыуһылыу» эпосынан)*.

Предложения со значением причинно-следственной обусловленности с деепричастным сказуемым на -п имеют в тюркских языках, в том числе в современном башкирском языке широкое распространение. Между главной и придаточной частями подчинительная связь слабее по сравнению с другими типами сложноподчиненных предложений. Например: *Яз етеп тә, кәндәр һаман йылынмай* (Н. Мусин).

Нередки случаи, когда деепричастие на -май/-мәй, -майынса/-мәйенсә выступает как сказуемое придаточной части сложноподчиненного предложения и выражает причинно-следственную и временную обусловленность двух действий. Например: *Көнө буйы буран тынмай, шуға күрә лә һунарсылар кәйефһез генә урман өйөндә гәп һаталар* (Н. Мусин).

Сложносочиненные предложения, создаваемые с помощью деепричастного сказуемого на -ғансы/-гәнсе, -қансы/-кәнсе делятся на два типа: 1. ограничительно-временные; 2. сравнительные. Примеры: *Йөз һум аксаң булғансы, йөз дусың булһын* (Мәкәл). *Ялтау торғансы, уңған бер ары* (Мәкәл). *Эшең калғансы, ашың калһын* (Мәкәл).

Форма деепричастия на -қанса/-кәнсә, -ғанса/-гәнсә служит конституирующим элементом структуры двух принципиально различных типов предложений: 1. обстоятельство-сравнительных сложноподчиненных предложений; 2. вводных предложений. Примеры: *Ләкин был хужа Шәһүрә теләгәнсә эшләмәй, үзөнә уңайлы яқты ғына кайыра* (Н. Мусин). *Һәүбән, Аҡбузат өйткәнсә эшләгән («Аҡбузат» эпосынан)*.

Таким образом, в современном башкирском языке деепричастные формы глагола активно выполняют функцию сказуемого придаточного предложения и выражают различные грамматические значения.

В четвертом параграфе – «Деепричастная форма глагола на -п в функции сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения» – рассматривается деепричастная форма на -п как средство сочинительной связи в семантическом аспекте. Деепричастная форма на -п широко применяется в целях выражения сочинительной связи. Например: *Болоттар куйырып, ямғыр яуа башланы* (М. Кәрим). Данное предложение можно сформулировать по-другому: *Болоттар куйырзы, ямғыр яуа башланы. Болоттар куйырзы һәм ямғыр яуа башланы. Болоттар куйырзы ла, ямғыр яуа башланы.*

Как видно из примеров, в рамках единого грамматического времени одно действие следует за другим. Деепричастную форму на -п можно заменить средствами выражения соединительных отношений.

В пятом параграфе – «Деепричастные формы глагола в функции второстепенного сказуемого» – анализируются деепричастия в функции второстепенного сказуемого. А. А. Юлдашев в свое время отметил, что деепричастия не могут выражать в предложении обстоятельственную функцию. Он считал, что сущность всякого деепричастия заключается в выражении соотношения между двумя глаголами на точно таких же синтаксических началах, что между сказуемым придаточного и главного предложений, из которых первое как бы оно ни было осложнено обстоятельственным значением остается как бы в пределах придаточного, так и в рамках данного структурного типа предложения¹.

То, что мы в современном башкирском языке рассматриваем как обстоятельственную функцию, А. А. Юлдашев назвал второстепенным сказуемым. На наш взгляд, деепричастия выполняют обстоятельственную функцию, а на лексико-семантическом уровне они являются второстепенными сказуемыми. Например: *Ғилман бер ынтылыш менән уның мылтығын һыпыра тартып алды ла, йән асыуын баҫа алмай сәсрәткәнсе карағайға куша һукты* (Н. Мусин).

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются основные результаты и формулируются выводы, а также намечаются дальнейшие перспективы работы по данной проблеме.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях по теме исследования:

В изданиях, включенных ВАК

в перечень ведущих рецензируемых научных журналов:

1. Хасанова, Л.М. Переход деепричастных форм глагола в другие части речи (На материале башкирского языка) / Л. М. Хасанова // Вестник Башкирского университета. –Уфа, 2009. –№3 (Т.14). –С. 871-874.

В других изданиях:

2. Хасанова, Л.М. Деепричастная форма глагола в современном башкирском и русском языках / Л. М. Хасанова // Языковые и культурные

---

¹ Юлдашев, А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. –М., 1977. –С. 240.

контакты народов Республики Башкортостан в условиях двуязычия: Материалы Всероссийской научной конференции. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. –С.424-428.

3. Хасанова, Л.М. Деепричастные формы глагола в современном башкирском языке / Л. М. Хасанова // Башкирская филология: достижения и актуальные проблемы: Материалы научно-практической конференции. –Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. –С.69-73.

4. Хасанова, Л.М. О конверсионном словообразовании наречий в современном башкирском языке / Л. М. Хасанова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции 12 декабря 2008 г. Т. 3. –Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. –С.229-232.

5. Хасанова, Л.М. Система деепричастных форм глагола в современном башкирском языке / Л. М. Хасанова // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (30-31 октября 2008 г.). –Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. –С.206-211.

6. Хасанова, Л.М. Переход деепричастных форм в наречия / Л. М. Хасанова // Профессор Н. К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии: Материалы Международной научно-практической конференции. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. –С.383-388.

7. Хасанова, Л.М. Синтаксические функции деепричастий в современном башкирском языке / Л. М. Хасанова // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики. Посвящается 100-летию со дня рождения народной писательницы Башкортостана З. Бишевой. Сборник вузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов (23 апреля 2008 г.). Отв. ред. М. В. Зайнуллин. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. –С.46-51.

8. Хасанова, Л.М. Деепричастия в башкирском языке / Л. М. Хасанова // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики. Посвящается 100-летию со дня рождения народной писательницы Башкортостана З. Бишевой. Сборник вузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов (23 апреля 2008 г.). Отв. ред. М. В. Зайнуллин. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. –С.54-59.

9. Хасанова, Л.М. Конверсирование деепричастных форм глагола в послелогои и употребление в значении послелогов / Л. М. Хасанова // Проблемы лингвистики в политкультурной среде: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию кафедры баш. яз. и 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Р. Х. Халиковой. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. –С.377-380.

10. Хасанова, Л.М. Грамматические значения деепричастных форм глагола в современном башкирском языке / Л. М. Хасанова // Вопросы филологии и методики обучения языкам в вузе и школе: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 75-летию профессора А. М. Азнабаева. -Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. –С.220-224.

11. Хасанова, Л.М. Изучение деепричастных форм глагола в школе / Л. М. Хасанова / Башкортостан укытыусыһы, 2009, №4. -С.18-21.

12. Хасанова, Л.М. Деепричастные формы глагола в функции сказуемого придаточного предложения / Л. М. Хасанова // Проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания в свете традиционных и новейших направлений в лингвистике: Сборник научных статей / М. В. Зайнуллин, отв. ред. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. –С.223-226.

13. Хасанова, Л.М. Деепричастная форма глагола на –п, –ып, еп, –оп/-өп / Л. М. Хасанова // Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. Сохранение и развитие родных языков и культур в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – 2-5 декабря 2009 г. Т.III. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С.164-167.

Хасанова Ляйсан Минахметовна

**СИСТЕМА ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.

Подписано в печать 29.01.2010 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1,39. Уч.- изд. л. 1,44.
Тираж 100 экз. Заказ 59.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

162